

Лилия ГАЗИЗОВА

Мои турецкие университеты

[261]

ИЛ 8/2020

До нынешнего года я ничего не знала про университетскую Турцию. И даже представить не могла, что когда-нибудь буду преподавать молодым туркам русскую литературу, знакомить их с поэзией Сергея Гандлевского и Александра Кабанова, анализировать рассказы Людмилы Улицкой и Сергея Довлатова, произведения моих талантливых друзей.

Экзистенциальный кризис, усугубленный неприятием того, что происходило вокруг в последние годы, немало способствовал тому, что мне захотелось кардинально изменить свою жизнь, исключив при этом эмиграцию. Настроение мое можно было охарактеризовать фразой из рассказа Зощенко: “Они сами не знают, чего хотят”. Поэтому когда уважаемый мной московский критик порекомендовал меня для работы в Эрджиевский университет в Кайсери, я очень удивилась. А поудивлявшись, согласилась.

Ни я, ни мои друзья никогда не слышали о Кайсери. Между тем это большой город с населением более миллиона человек. Он находится в центральной Анатолии, одной из семи провинций Турции. Счи-

тается, что здесь по сравнению с Турцией столичной и курортной в большей степени сохранились традиции и сакраментальный уклад жизни.

То, что городу три тысячи лет, вводит меня в тихий экстаз. А его сумасшедшая и противоречивая история словно делает меня его соучастницей. Одних названий у него было не менее десятка. Пока наконец тщеславный римский император Тиберий не переименовал город в Кесарию (в честь кесаря, то есть себя), откуда и происходит его “современное” название.

Будучи русским поэтом татарского происхождения, я надеялась, что переезд в другую страну (близкую, как мне тогда казалось, по духу Татарстану, где я жила) и новая работа позволят не только начать иную жизнь, но и обрести новый опыт. И спустя почти год могу сказать, что так и произошло.

Тем не менее я плохо представляла себе здешнюю жизнь. Меня беспокоило, как сложатся отношения с турецкими студентами. То, с чем я столкнулась, во многом оказалось неожиданным.

Студенты называют меня “Лилия ходжам” или просто “ходжам” (мой учитель). А впервые я услышала подобное

обращение к себе, когда вошла в аудиторию первого курса. Поздоровавшись, я стала рассказывать о себе и делиться соображениями по поводу литературы восемнадцатого века, с которой нам предстояло познакомиться в течение семестра. Через какое-то время одна девушка в хиджабе несмело обратилась ко мне: “Ходжам, мы вас не понимаем. Говорите, пожалуйста, медленно”. Кажется, я покраснела. И осознала, что все здесь будет не так просто. Самозабвенные монологи на тему русской литературы разных веков исключены. Мне придется вместе с ними доходить до сути каждого слова, каждой фразы, идеи каждого произведения, если я хочу, чтобы они по-настоящему узнали мой предмет.

Университет Эрджиес назван так по имени вулкана, у подножия которого располагается город. Этот вулкан для Кайсери все равно что Эйфелева башня для Парижа. Он просматривается с любой точки. Эрджиес красив в любую погоду, даже летом, когда на нем нет снега, и выглядит он немного лысым. Зимой это популярный горнолыжный курорт. Для меня он стал символом обновления моей жизни. Утром ли, вечером ли, он словно всегда следит за мной...

Наш университет образует огромное самостоятельное пространство. Фактически это город в городе. Множество факультетов раскиданы на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому велосипед здесь в чести. Архитектура напоминает скандинавскую: сдержанность и функциональность. Ни

каких восточных украшений и арабесок, которые я предполагала увидеть. Прямоугольная геометрия с включением цветных элементов. И большие панорамные окна. Наш литературный факультет располагается в трехэтажном здании, его фасад образует квадраты черного, бежевого и красного цветов.

Подобный кампус — без всяких признаков принадлежности к национальности или религии — может находиться в любой стране мира. Развевается только один государственный флаг возле здания ректората, и тот разумных размеров. А издали, когда при порывах ветра белый полумесяц прячется в красных складках, он напоминает флаг страны, которой больше нет. Вокруг никаких призывов и портретов политиков. Но во всех кабинетах и учебных аудиториях университета висят фотографии Ататюрка. Я уже перестаю замечать их: они висят позади меня на стене и в поле моего зрения не находятся.

Культ Ататюрка здесь запредельный. На многие аватарки и фотографии профиля в соцсетях турки берут портрет Ататюрка. На студентках подвески на цепочке с его изображением. За оскорбление его памяти можно зареветь и в тюрьму. В актовом зале нашего литературного факультета слева от президиума висит большой портрет Ататюрка, а справа — Эрдогана. Когда там проходил мой поэтический вечер, мне было странно читать стихи, находясь между ними.

У входа в зал, кстати, на стене выведены черным слова

Ататюрка: “Любящий Отечество с любовью исполняет свой долг...”. Вспомнилось вишащее у входа в нашей школе ленинское: “Учиться, учиться и учиться!”.

Нашей кафедре двадцать пять лет. Преподавательский состав интернациональный: Эстония, Беларусь, Грузия, Азербайджан, ну и турки, конечно. Из России я одна.

Татарский язык, один из моих двух родных, и турецкий схожи в своей основе. Вспомнила строчку стихотворения Беллы Ахмадуллиной, посвященного Анне Ахматовой:

Но ее и мое имена
были схожи основой
кромешной...

Татарский и турецкий относятся к группе тюркских языков, поэтому приблизительно половина слов тождественны. Да и грамматика схожа. Но признаюсь, что не всё понимаю из услышанного, и не всё способна донести до собеседника на турецком языке. Тем не менее удастся использовать его наряду с английским, чтобы объяснить какие-то слова-выражения.

Расписание устроено здесь примерно так же, как в России. “Пара” длится примерно полтора часа. Перерыв между парами – полчаса. Сложность для турецких студентов состоит в том, что я преподаю иностранную литературу на иностранном языке. До меня русскую литературу давали на турецком.

Меня очень порадовали мои первокурсники нынешнего, 2019, года. Очень живые,

любопытные, смешливые! И это несмотря на то, что русским они еще владеют слабова-то. Это не мешает им задавать мне самые разные вопросы. Например, жила ли я в советской России, была ли счастлива, как я отношусь к российскому президенту. Спросили, какие телеканалы лучше смотреть, чтобы получить правдивое представление о жизни в России. В общем, они выделяют по сравнению со старшими курсами. С чем это связано – не знаю.

Университетское образование в Турции доступно практически всем. Есть бюджетные и платные (вечерние) отделения. Плата за обучение всего двести долларов в год. К тому же студентов практически не отчисляют, они имеют возможность без конца пересдавать экзамены и учиться на одном курсе по нескольку лет. Такая доступность образования действует расхолаживающе. Но университетский диплом способствует устройству на государственную службу, куда стремятся почти все. Поэтому молодежь заинтересована рано или поздно закончить университет.

Состав наших студентов не мононациональный, хотя подавляющее большинство составляют турки и турчанки. На каждом курсе есть несколько человек из республик бывшего Союза. На них-то я и опираюсь, когда мы обсуждаем литературные произведения. Порой они словно проводники между мной и турецкоязычной аудиторией. Хотя и их русский не блестящий. Но говорят они почти без акцента.

На вечернем первом учатся две девушки из Туркменистана — Катя и Майя. Смешанные браки родителей. Возвращение на родину отца-турка. Похожая история с Эсежаном из Японии. Он родился в Стране восходящего солнца. Мать — японка. Отец — турок. Интересная биография у Ахмета. Его мать гречанка, отец черкес. Жил в разных странах. Спросила, кем он считает себя. Призадумался.

Как всегда, спрашиваю, что их привело на русское отделение университета. В основном отвечают стандартно: любовь к русской литературе. Некоторые честно признаются, что не набрали достаточно баллов на корейское или японское отделение, здесь они очень популярны. Турки любят корейские сериалы и поп-группы. И, что не менее важно, Корея щедро спонсирует изучение корейского языка, предоставляет гранты, различные образовательные программы.

Шуля ответила, что русский язык поможет гостиничному бизнесу, она хочет его открыть. Когда несколько минут спустя я начала говорить о XVIII веке как эпохе разума, то, объясняя значение слова *рационализм*, привела в пример ответ этой студентки, *рационально* отнесшейся к выбору образования.

Другая студентка сказала, что ей нравится русский язык, потому что на нем говорил Сталин. Начала переспрашивать, но вразумительно объяснить свой ответ она так и не смогла. Не хватило знания языка, надо полагать. Тогда я

переспросила, не коммунистка ли она. Ответила утвердительно.

К четвертому курсу некоторые студенты добиваются заметных успехов. Когда на занятии по современному рассказу я объясняла образ брызг духового оркестра в рассказе Славы Харченко, сидящий напротив меня Ахмет процитировал громким шепотом на ушко своей соседке Алев Цветаевское: “Как брызги из фонтана, / Как искры из ракет”.

Интересны темы дипломных работ, которые выбирают будущие выпускники. Эда решила писать о цензуре в литературе во времена Сталина. Ее подруга заинтересовалась еврейскими советскими поэтами и прозаиками. Халименуру раздумывает над темой, которая связала бы неофициальное искусство и литературу в годы застоя. Но большинство предпочитает, конечно, русскую классику.

Мне нравится объяснять студентам специфически русские понятия и смотреть на их удивленные и растерянные лица. Но так и не удалось, думаю, объяснить, например, что такое суточные щи. Возможно, для них это просто вода, в которой плавает капуста. Русские каши тоже вызывают у них вопросы. Турецкие молочные каши — манная или рисовая — это десерт. Они подаются в холодном виде и, как правило, — очень сладкие, как любое турецкое лакомство. Поэтому студентам трудно понять, что каши могут быть горячими и несладкими или, например, с грибами, которые здесь не едят.

Почти то же самое с “русскими березами” или “русской тоской”. Студенты спрашивают, почему их называют русскими. Ведь березы растут во многих странах, в том числе и в Турции. И тоска бывает у всех людей, не только у русских.

С этим я сталкивалась и в Казани, где прослужила почти пятнадцать лет в Союзе писателей Татарстана литконсультантом по русской литературе и художественному переводу. Татарским писателям очень не нравилось, что русские “присвоили” себе березы. Особенно неистовствовал народный писатель Татарстана, замечательный драматург Туфан Миннуллин, ревниво относившийся к любому негативному упоминанию о татарах в любом контексте. Типичный пример — строки Марины Цветаевой из “Колыбельной”:

Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Поэтому Марина Цветаева для татарских писателей старшего поколения не существует, как бы странно это ни прозвучало...

Теперь, по прошествии времени, я не вижу больших отличий турецких студентов от их российских собратьев. Молодежь есть молодежь. Несколько студентов регулярно просят разрешения прийти позже на занятие по пятницам из-за пятничной молитвы. Парни очень следят за собой, особенно за волосами. Кстати, Турция занимает первое место по пересадке волос. Девушки, как мне показалось,

менее озабочены своим внешним видом. “В тренде” среди особо “продвинутых” разноцветные — зеленые и розовые — волосы. Повседневная одежда: джинсы, футболка, худи. Платья, конечно, тоже встречаются, но реже. На каждом курсе не более пяти-шести девушек в хиджабах. По своему поведению они ничем не отличаются от светски одетых студенток.

При этом оказалось, что мало кто из турецких студентов имеет представление о “чайлдфри”. Они были удивлены, нет, потрясены до крайней степени: как такое возможно! Одна студентка даже воскликнула в сердцах: “Это же фрукт!” Подразумевая, что ребенок — это плод любви.

Я спросила нескольких русскоязычных коллег с других кафедр, что их больше всего поначалу поразило в турецких студентах. И все дали один ответ — почтительность. Это действительно так. Невозможно представить, чтобы турецкий студент огрызнулся или надерзил. Конечно, они бывают недовольны. Но в этом случае подойдут и учтиво уточнят, что их волнует. Это объясняется культурой, традициями, идущими с древности, когда старший, а тем более учитель, пользовался безграничным авторитетом.

Я обосновалась в Белимстеси, что переводится как “научный городок”, здесь расквартированы иностранные преподаватели. Городок представляет собой дюжину двухэтажных коттеджей с мансардами. Мое жилище на первом этаже, это большая студия, с

огромным панорамным окном на лужайку. На ночь я не закрываю шторы и, лежа в постели, вглядываюсь в это пространство, вспоминаю и свой город.

Турки не склонны драматизировать жизнь — ни свою, ни чужую. При этом они к чужой беде отзывчивы. Для них помочь ближнему — дело чести. Несколько раз я выходила из дома, захлопнув дверь, а ключи оставив внутри. И тут же на помощь приходили соседи. В помощи здесь не отказывают.

Еще меня порой изумляет отношение турок ко времени. К своему и чужому. Здесь не принято торопиться. И торопить турок бесполезно. Как здесь ухитряются работать — большая тайна. Я очень пунктуальный человек. И этого ожидаю от других. Поэтому мне было и странно, и сложно. Но и к этому, в конечном счете, можно привыкнуть. Просто надо самому перестать торопиться.

Однажды, когда я возвращалась из университета домой, у меня сломался велосипед. Отлетел какой-то важный болтик, и велосипед развалился. Рядом оказался незнакомый коллега с факультета искусств, который предложил устранить неисправность. Мы занесли велосипед в корпус по соседству и подняли его на лифте на второй этаж. Первым делом он спросил у меня, не хочу ли я чаю или кофе. Какой чай! Какой кофе! Он спокойно ответил, что постарается все сделать. После того, как он починил велосипед, я, ослабившись, уже сама предложила нам выпить кофе. Моим

спасителем оказался скульптор-авангардист, чрезвычайно высоко отозвавшийся об Ататюрке; уж не помню, почему зашла о нем речь. В его мастерской, кстати, было много небольших скульптурных фигур турецкого вождя. Видимо, на продажу. Такая “La Vie En Rose”.

Десять лет назад, возвращаясь с поэтического фестиваля в древнем турецком городе Тарсусе, я опоздала на самолет и решила провести три дня в Стамбуле, который оглушил меня своим темпераментом и многоцветьем. Еще тогда я дала себе обещание узнать эту невероятную страну. Не знала только, что вернусь не туристкой, а с некоторой миссией.

Почти с первого дня пребывания в Турции, с начала работы в Эрджиэсском университете я начала регулярно вести в фейсбуке Турецкий дневник, в котором записывала свои наблюдения о турецкой жизни. К моему удивлению, он вызвал огромный интерес. Оказалось, что Турция, при том что сюда приезжают отдыхать множество людей со всего мира и особенно из России, остается по-прежнему полузакрытой страной, о традициях которой мало что известно. О Турции университетской известно еще меньше.

Мне нравится преподавать в турецком университете. Я почувствовала себя полезной этой стране с древней и противоречивой историей. И как бы пафосно это ни прозвучало, но знакомить турецкую молодежь с классической и современной русской литературой и россий-

скими традициями, сленгом, “приколами”, “фишками” оказалось делом нескучным и приносящим массу положительных эмоций.

С самого начала я стала просить своих студентов учить русские стихи наизусть, мотивация — дополнительные баллы на экзамене. Подобное, кстати, мало практикуется в университетах, и не только Турции. Известный филолог Дина Магомедова называет

чтение наизусть “цирковым номером”, поскольку и ее иностранные студенты так это воспринимают.

Но когда я слушаю, как они старательно и с выражением, с заметным акцентом, спотыкаясь на сложных словах, декламируют волшебные строки моих любимых поэтов, я начинаю думать, что не зря нахожусь в Турции. Это радость, которую я не чаяла найти здесь.